

«ЖИТЬ ДЛЯ ТЕХ, ИЗ СРЕДЫ КОТОРЫХ ВЫШЕЛ САМ»

Страницы биографии С.А. Калабалина

Владимир Морозов, директор Центра внешкольной работы, кандидат педагогических наук

В «Педагогической поэме» А.С. Макаренко пишет: «Не вышло из Карабанова агронома. Кончил он агрономический рабфак, но в институт не перешёл, а сказал мне решительно:

— Хай йому с тем хлеборобством! Не могу без пацанов буты. Сколько ещё хороших хлопцев дурака валяет на свете, ого! Раз вы, Антон Семёнович, в этом деле потрудились, так и мне можно.

Так и пошёл Семён Карабанов по пути соцвосовского подвига и не изменил ему до сегодняшнего дня, хотя и выпал Семёну жребий труднее, чем всякому другому подвижнику».

В 1925 г. Семён Афанасьевич Калабалин закончил рабфак сельскохозяйственного института, но работа в сельском хозяйстве привлекала его меньше, чем деятельность воспитателя. Под руководством А.С. Макаренко в колонии им. М. Горького он и начал свою педагогическую деятельность. В 1926 г. его призывают в ряды Красной Армии. Служил он на станции Ереськи, под Полтавой, был активным участником всех спортивных соревнований. Его успехи в спорте не раз были отмечены наградами и призами. Участвуя в лыжных соревнованиях, он получил травму и после лечения был демобилизован. Возвратился работать в колонию им. М. Горького, поскольку другой работы, кроме работы с детьми, он для себя не мыслил.

В 1928 г. С.А. Калабалин дал торжественную клятву А.С. Макаренко посвятить свою жизнь борьбе с детской беспризорностью и нищетой — жить для тех, из среды которых вышел сам, чтобы и они своею жизнью землю украшали. Проработав некоторое время в колонии, он по поручению А.С. Макаренко стал заведовать общежитием на станции Комаровка под Харьковом. В этом общежитии жили подростки — выпускники детских домов и коммун. В Комаровке Семён Афанасьевич работал около года, затем его перевели на работу в Будянскую колонию им. В.Г. Короленко. Там он был воспитателем, а потом заведовал учебно-воспитательной частью.

После открытия коммуны им. Ф.Э. Дзержинского С.А. Калабалин получил приглашение А.С. Макаренко поработать некоторое время в коммуне воспитателем. Подтверждение этому — *воспоминания коммунара Л.В. Конисевича:*

«Спортивную жизнь в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского возглавлял Семён Калабалин, воспитанник колонии им. М. Горького. Огненный танцор с фигурой Аполлона, безгранично смелый во всех делах, никогда не унывающий, пышущий здоровьем, сильный, с прекрасной строевой выправкой, он, как никто из руководителей коммуны, соответствовал этой роли. К нему тянулись, желая подражать и походить на него. Гимнастика, лёгкая атлетика, лыжи, бокс, борьба, плавание, морские «бои», походы — всё он умел и с успехом передавал нам, младшему поколению. Очень многие благодарны ему за это».

В феврале 1931 г. С.А. Калабалин, по совету А.С. Макаренко, переезжает в Ленинград и работает в Сосновой поляне в школе-колонии № 66 для трудновоспитуемых детей.

Вспоминает Тимофей Иванович Агафонов, завуч школы-колонии № 66:

«Колония представляла нечто очень убогое в педагогическом отношении: побег, кражи, азартные игры, приводы в милицию — вот краткая характеристика колонии на осень 1931 г., когда я приступил к работе в ней... Обращаюсь в сектор детских домов Ленгорно и прошу дать мне двух-трёх хороших воспитателей. Обращаюсь раз, два... Обращаюсь в пятый раз, но тщетно: нет воспитателей.

Наконец-то мне повезло. Зав. сектором детских домов товарищ Грузовский, указывая с лукавой улыбкой на чёрного атлета, сидящего у дверей кабинета, произнёс шепотом: «Может быть, вот этот чудак подойдёт вам?» — «А что это за чудак?» — осведомляюсь я. — «Да поговорите... Чудаковатый какой-то...» — Я подсаживаюсь к «чудаковатому» человеку и обращаюсь к нему: «Скажите, пожалуйста, Вы, кажется, изъявляете желание работать воспитателем в детском доме?» — «Да». — «Может быть, условия нашей колонии подойдут Вам? Она всего лишь в часе езды от Ленинграда. Расположена в прекрасной усадьбе, она...» Описываю её так, чтобы не оттолкнуть, а расположить кандидата. Но он, прервав меня, заявил: «Это меня не интересует. Как там ребята?» — «Ребята? Ничего. Работать с ними можно», — отвечаю я осторожно. — «Тогда не поеду к вам. Мне нужно такое учреждение, чтобы можно было там поработать, засучив рукава. Трудные условия мне нужны», — отрубил «чудаковатый» педагог. В ответ на это я схватил его за руку и выпалил: «Оно такое и есть!» — «Хорошо. Но ответ дам после того, как посмотрю колонию. Можем проехать прямо сейчас?».

Через два дня Семён Афанасьевич привёз семью: жену Галину Константиновну, дочурку Леночку и сыночка Костика, того самого, которого весной 1934 г. воспитанник-люэтик в состоянии припадка убил. Об этом упоминается на последних страницах «Педагогической поэмы».

В первые же дни работы Семёна Афанасьевича жизнь в школе-колонии стала преобразовываться. Групповые воспитатели не знали, куда себя деть, так как их воспитанники покидали их и следовали по пятам за Семёном Афанасьевичем, вокруг которого как-то особо закипела жизнь колонии. Всё было ново и интересно для воспитанников. Он ввёл отрядную систему, образовал совет командиров, развернул соревнование между отрядами, придумав какой-то очень наглядный и, главное, эмоционально захватывающий ежедневный учёт результатов соревнования.

На фоне устоявшейся педагогики, с помощью которой мы, сотрудники, пыта-

лись «взять в руки» и сломить злую волю вчерашних беспризорников, действовала калабабинская педагогика, полностью разрушившая средостение между ним — воспитателем и ими — воспитанниками. Его слова и дела они стали воспринимать как «путёвку в жизнь», постепенно становясь обычными мальчиками, целеустремлёнными, дисциплинированными. Совершенно прекратились побегі. Больше того, многие «бегуны» стали возвращаться и упрашивать, чтобы их приняли в колонию, так как они «очень хотят жить в ней».

Примерно через год колония превратилась в образцовую. Ленгороно стал направлять в неё делегации педагогов по обмену опытом, которые с большим восхищением отзывались обо всём, что видели».

Сохранились дневники Семёна Афанасьевича, которые он вёл во время работы в школе-колонии № 66. Они отразили многие факты его работы как педагога, приёмы воспитания коллектива и отдельных воспитанников:

«В 1931 г. я спросил разрешения у Антона Семёновича на испытание своих сил, опыта, а главное, действия системы, которую имел возможность изучать, — системы Антона Семёновича, но в других условиях и не под его началом. Окажусь ли я достойным учеником своего учителя? Оправдаю ли его доверие и надежды?»

В Ленгороно я просил предоставить мне место воспитателя в одном из худших по своей организации детских домов. Такое учреждение под титулом «66-я школа-колония для трудновоспитуемых детей» нашлось. Положение было действительно трудное. В Ленгороно меня предупредили, что это учреждение подлежит расформированию, — так оно неисправимо запущено. Если удастся наладить там работу, то Ленгороно готово ещё на год отсрочить ликвидацию школы-колонии. Я обещал уложиться в более короткие сроки.

Это была типичная малина-ночлежка, скопление воришек, которые день проводили в городе, занимаясь воровским промыслом, а к ночи сползались в колонию. Мои попыт-

С.А. Калабалин

ки собрать ребят для знакомства и беседы были безуспешными. Засады в столовой не приносили пользы, так как ребята просто не являлись туда, не нуждаясь в нашей пище.

Карауля у корпуса, я пытался помешать ребятам выходить в город, но они и мимо меня не проходили, и в корпусе их не оказывалось. Воспитатели сидели по своим квартирам-бастионам и не подавали никаких признаков жизни.

И вот на третий день своего безуспешного блуждания по колонии я натянул волейбольную сетку на столбы, надул мяч и стал играть в надежде, что кто-нибудь из ребят соблазнится и составит мне компанию. Это было около шести часов дня, когда, как правило, ребята начинали сползаться домой. Однако ко мне никто не подошёл. Вдруг где-то совсем близко задрезжал сигнал, как-то тревожно, вздохнул. Окна второго этажа спален распахнулись и в них показались букеты мальчишеских голов. Все, кто был во дворе, стремглав бросились в дом. Со второго этажа хором закричали: «Бык! Бык! Убегай!» И я увидел во дворе огромного быка. Он шёл, горделиво останавливаясь, загребал передними ногами землю и забрасывал её на свою могучую спину. Он шёл в мою сторону. «Бежать!» И вдруг я подумал: я побегу от этого зверя и... делать здесь мне больше нечего. Позор, слава труса взметнётся мне вслед стоголосым улюлюканием трусливо торчащих в окна мальчишек.

А бык подошёл к сетке и стал играть рогами. Пока он развлекался сеткой, намотав её на рога, я лихорадочно искал выхода. Бык развернулся ко мне задом, а я схватил его за хвост и стал ногами бить по его ногам и сдавленным голосом уговаривать вернуться на хозяйственный двор. Я решил, что только вместе с его хвостом оторвусь от быка. Через некоторое время мне удалось укротить его и погнать в стойло.

А когда я вернулся во двор, то ко мне подошли несколько ребят и, не скрывая своего любопытства и восторга, заговорили:

— Вы в самом деле не испугались нашего быка?

— А здорово вы его!..

— А всё-таки испугались, да, испугались?

— Да как вам сказать... Вообще-то струхнул. А потом решил, что если таких телит бояться, то лучше и на свете не жить.

— Ого! Это телёнок называется! Ничего себе телёнок. Так он же лошадь заповорол! Когда он вырывается, так дядя Гриша специальный знак даёт, чтобы люди убежали, — затараторил курносый мальчишка,

— Так я же не знал, что его надо обязательно бояться. Если бы знал, то вместе с вами побежал бы на чердак.

Эффект был неожиданный, но нужный.

— Идёмте к нам в спальню, — баском проговорил угрюмый мальчик, в котором без труда угадывался «авторитет». Я пошёл.

Но что-то похожее на общее собрание состоялось только через несколько дней. А до этого собрания я интриговал ребят, входил в их гущу, разламывал ледок отчуждения то шуткой-прибауткой, то трудовыми и игровыми вспышками разрушал «авторитет» вожаков, распознавая их, высматривал будущих командиров, влюблял в себя толпу.

А потом уже пошли настоящие собрания, заседания совета командиров, борьба за каждого члена коллектива и воспитание коллектива.

5 мая 1932 г. во двор колонии ворвались пять легковых автомобилей. Это была первая экскурсия иностранцев. Приехали педагоги Англии. Покидая колонию, они оставили следующую запись: «Мы чрезвычайно заинтересовались колонией и остались под большим впечатлением от организации дела воспитания детей, царящей атмосферы дружбы и доверия между заведующим и детьми, отсутствием суровой дисциплины и наказания...»

Что же случилось, что за такое время учреждение, являвшее собою дурную малину, где 150 ребят развлекались игрой в карты, пьянкой, воровством, преобрази-

Куряж.
Группа колонистов-горьковцев в строю.
1926–1927 г.

лось? И не только преобразилось, а было признано образцово-показательным?

А произошло то, что произошло с Иваном Царевичем, когда он испил живой воды. Система организации детского коллектива А.С. Макаренко, возникшая на Украине, оказалась одинаково живительной и в детских учреждениях Ленгоруно. Применил я эту систему в 66-й школе-колонии, как говорится, слово в слово. Результаты были воистину изумительными. В 1934 г., в год самого

Галина Константиновна и Семён Афанасьевич Калабалины с детьми.
Фото 1934 г.

убедительного успеха, в год моего предполагавшегося личного рапорта Антону Семёновичу, собравшемуся навещать мою колонию, мне был нанесён страшный удар. Мой трёхлетний сын стал жертвой садиста-подростка, присланного накануне убийства из

приёмника. Сказалось то, что он уже успел совершить не одно подобное преступление.

Какой-то угодник от педагогики тут же, у ещё открытой могилы моего первенца, посоветовал бросить это проклятое дело. Ничего, мол, хорошего из этих беспризорников не получится, а вот так, как вашего сына, всех нас поубивают. Им всё можно. Я так посмотрел на этого педагогического дьячка, что он не на шутку струсил и, не дожидаясь погребения, скрылся.

Нет, я не бросил поля брани, не отступил, не изменил педагогическому долгу. И не пишал. Антон Семёнович писал мне тогда: «Дорогие мои, я не пишу вам слова утешения, я с вами, чувствуйте меня рядом с собой, как чувствую я вас, ваши плечи, ваши сердца. Бывает иногда в жизни такая заваруха, что, кажись, выхода нет, хоть погибай или отступай. То и ценно в нас, что мы отступать-то и не приучены. Верю тебе, Семён, найди в себе силы перенести это страшное горе, помоги Гале...»

Со всех концов я получил в эти дни письма от своих воспитанников по колонии

имени Горького. Думаю, что этот поток доброй, товарищеской поддержки был результатом подсказки Антона Семёновича...»

* * *

Однако в 66-й школе-колонии для трудно-воспитуемых детей, где произошла трагедия, остаться было невыносимо.

В августе 1934 года С.А. Калабалин перешёл на работу в детский дом № 54 Сталинского района города Ленинграда, где проработал завучем до мая 1935 года.

Работа завучем мало привлекала С.А. Калабалина — прирождённого воспитателя, умевшего уже в начале своей педагогической деятельности найти подход к самым трудным подросткам. Его тянуло к большому, настоящему делу.

По ходатайству А.С. Макаренко, тогда помощника начальника отдела воспитательно-трудовых колоний при НКВД УССР, Калабалин назначается начальником учебно-воспитательной части Винницкой колонии.

Об этом он пишет:

«Мне было поручено открытие детской колонии для рецидива в Якушенцах. В этот период я часто общался с Антоном Семёновичем и был свидетелем, как он не просто руководил отделом, а создавал методику воспитания во всех её подробностях...»

Выводя своего друга и ученика в образе Карabanова, *А.С. Макаренко оценил работу С.А. Калабалина так:*

«Карabanов — начальник колонии. Замечательный человек. Если про себя я говорил, что мастер, а не талант, то Карabanов в первую очередь талант. Расскажу вам такой случай. В 1937 г. я руководил всеми колониями Украины. Вызвал из Ленинграда Карabanова: «Бери новую колонию, будешь работать там». — «Хорошо». Дал я ему старый совхоз (с. Якушенцы). Ничего там не было. Я решил: Карabanов человек сильный. Дал я ему «лучших ребят». Со всей Украины собрал... настоящих «жуков», которые со мной без мата принципиально не разговаривали. Парню 14–15, но у него в кармане от-

мычка и водка. Месяц я продержал их в приёмнике, окружив высоким забором, часовых поставил. Наконец, получаю телеграмму от Карабанова: «Можно привозить».

Ночью они прибыли в Винницу. Карабанов подал к станции два грузовика. Приехали. Накормили их, уложили спать. Утром проснулись — кругом степь, пусто. И бараки.

...Карабанов ушёл на село. Ребята завывали: жить здесь не будем, пошли, братцы, на вокзал... Пошли пешком, целой ватагой. А чекисты за ними на автомобиле поехали, всё уговаривать продолжают.

Прибежал Карабанов: «Где хлопцы?» Схватил первого попавшегося коня, без седла, поскакал за ними. Видит — идут хлопцы по дороге. Он спрыгнул с коня. Поскользнулся и упал. Лежит. Те к нему: что такое? Пробуют поднять. Стонет. Потом говорит: «Снесите меня в колонию». Понесли в колонию. Всей гурьбой пошли. Принесли. Осторожно опустили его, а он и говорит; «Ну, спасибо, что донесли, не хотелось мне пешком идти». Ребята буквально обалдели. А он увидел самого курного и говорит: «Почему ты такой красивый?» Ребята ещё в больший восторг пришли. Карабанов говорит: «Ну что же, идите в Винницу». — «Ну пойдём». — «А, может быть, позавтракаете, а потом пойдёте? — «Ладно, отчего не позавтракать».

...Через три месяца я приехал к нему туда с ревизией, посмотрел на них. Дисциплина, что надо. Все очень вежливы, приветливые, все читали «Педагогическую поэму».

Я не стал расспрашивать Семёна, как он это сделал. А у ребят спросил: «Ну-ка, скажите, какое у вас главное достижение?» — «Наше главное достижение — Семён Афанасьевич!» (смех).

Вот это настоящий талант. Не мастер, а именно талант, которому подчиняются самые тяжёлые, самые вредные. И из них он делает хороших людей. Мы посылали ему самых трудных, а он делал с ними буквально чудеса...»

В эти годы С.А. Калабалин ведёт активную переписку с Антоном Семёновичем. *Сохранившиеся письма* раскрывают удивитель-

ную историю дружбы двух талантливых людей: учителя и ученика:

«Каждое личное письмо Антона Семёновича ко мне, — вспоминает Калабалин, — было полно советов и подсказок по методической организации детского учреждения. В них предусмотрено решительно всё: дозировка света, воздуха, жилой площади, расстановка кроватей, пошив костюмов, встреча новичка, примерное содержание первой беседы с ним, методика привлечения подростков к общественной деятельности, нормы нагрузок, организация первого урока в школе и т. д.».

В 1938-м С.А. Калабалина арестовывают и обвиняют в антисоветской агитации среди воспитанников. При аресте изымается вся имеющаяся в доме переписка с А.С. Макаренко и с друзьями по колонии им. М. Горького. Однако, незадолго до ареста, он шлёт весточку своему учителю. *Вот что он в ней пишет:*

«20.12.37 г. Дорогой Антон Семёнович! Моё моральное состояние нарушено основательно и я вечно нахожусь в состоянии помилованного. Это не вяжется с моей натурой, тем более что я в своей работе честен и самоотвержен...»

Содержание этого письма — «загадка, которую ещё следует разгадывать» — утверждает исследователь-макаренковед С.С. Невская. Нет сведений, которые могли бы пролить свет на те события, в связи с чем Калабалин пишет о своём состоянии «помилованного». Письма, изъятые при аресте, до сих пор не найдены. Судьба была благосклонна к Семёну Афанасьевичу — в тюрьме он провёл только месяц.

17 марта 1938 года *Семён Калабалин напишет первое после ареста письмо своему учителю:*

«Дорогой Антон Семёнович!

Спасибо за письмо. Оно мне сообщило о том, что Вы физически нездоровы, что меня страшно огорчило, но зато Вы на свободе. В Виннице вдруг пошли слухи, что якобы Вы арестованы! Ужас, что со мною творилось!»

Слухи об аресте Макаренко, сообщённые С.А. Калабалиным, — совершенно неожиданная для макаренковедов информация, так как угроза ареста существовала в 1936–1937-х, но дело было закрыто, и Антон Семёнович уехал на постоянное место жительства в Россию.

В этом же письме содержится ценнейшая информация о том, что же произошло с Калабалиным:

года, — рухнуло, как рушатся на пожаре горящие стропила». Что же было после ареста, каким он вернулся, где работал, что стало с Винницкой колонией? И об этом пишет Калабалин, переполненный гневом, не выбирая выражений, ибо его арест имел дорогую цену — развал детской колонии, бездушие и равнодушие к детским судьбам:

«2.03 я свободен. 3.03 встречаю товарища Морозова — начальника областного УНКВД, который, тепло пожав мою руку, заявил, что он был против моего ареста, но, благодаря настойчивым требованиям отдела трудовых колоний, он пошёл на арест. 7.03 я уже заведующий Соколовского детского дома — разбитый, уставший и безденежный (после тюрьмы расчёт дали полный, удержали за что-то почти всё). Давыдова я уже не застал — сняли за развал колонии и ненависть к нему со стороны ребят. Управляющий теперь Вронский».

В конце письма Калабалин заключает:

«Коротко почти всё. При встрече расскажу с подробностями. И всё же я хотел бы работать в России и недалеко от Москвы и Вас. Желаю быстрого выздоровления. Целую всех от всех. Ваш Семён».

Из записных книжек А.С. Макаренко:

«Подвиг. Это очень грустное зрелище. Калабалин делает чудеса. Его ребята по-новому смотрят, — это человеческий коллектив. Но как он невыносимо одинок, этот Семён. Кругом бедность и даже вши, барское попечительство, лень, болтовня и жадная, подлая карьера...»

С.А. Калабалин не оставлял надежды вернуться работать в колонию системы НКВД, работа в Соколовском детском доме тяготит его.

В следующем письме Антону Семёновичу, которое он пишет 20 марта, просит совета:

«Дорогой Антон Семёнович!

Как Вы мне посоветуете обратиться с письмом к товарищу Ежову по вопросу восстановления моих прав на работу в труд-

«На первом допросе мне предложили дать объяснения о моей контрреволюционной деятельности. Так как я не имел, что говорить, я просил следователя поделиться со мной, чем он располагает. Он заявил, что следствие располагает сведения-

ми о моих антисоветских настроениях и что я вёл антисоветскую агитацию среди детей. Я назвал этот бред анекдотом. На втором допросе и на последующих двух вопросах о контрреволюции не всплывал.

20.02.38 г. следователь заявил мне о том, что, вероятно, меня придётся освободить, дело прекратить и 2.03.38 г. меня освободили».

В это же время, *пишет далее Семён Афанасьевич*, в колонии происходили следующие события:

«Хлопцы взвыли, — за что арестовали нашего Семёна Афанасьевича?! Кое-кто из местных работников от себя промямлил (слово написано неразборчиво) «враг», — ему заплевали глаза. Колония в течение трёх дней окружена милицией. Воздвигли карцер. На работу и в школу не пошло 50% детей. Пошли попойка, игра в карты, грабежи и воровство».

Семён Афанасьевич с болью сообщает Макаренко, что «всё, что было сделано за два

Цветники коммуны им. Ф.Э. Дзержинского

колонии НКВД, конечно, с изложением и всей прекрасной «штуки», разыгранной со мной? Не могу и без трудновоспитуемой братии. Арестован я был только для того, чтобы скомпрометировать меня перед детьми, но этого не получилось, а одно лишь успели — развалить колонию... Сидеть в Соколовке — ужасно тяжело. Чувствую себя, как на высылке. Это же работа не по вкусу и выбору. Я оказался перед фактом свершившимся. Когда меня освободили, то Галя со всей свитой была уже в Соколовке. Напишите о себе, как Ваше здоровье и зачем это нужно было ломать рёбра. Будьте здоровы, дорогой отец...»

На приведённые выше письма, по всей вероятности, А.С. Макаренко не сумел ответить, ведь пишет же он Шершневу, что «долго не писал», «был тяжело болен»!

27 марта 1938 года Калабалин в своём письме интересовался здоровьем своего учителя:

«Как Ваше здоровье? Очень прошу Вас и меня держать в курсе лечения. Вам болеть запрещается. Если бы можно было послать своё ребро — они у меня ещё крепкие».

Но и на это письмо ответа не было или — не дошло.

20 апреля 1938 года Семён Афанасьевич, заподозрив невероятное, за что позже будет извиняться и корить себя, с болью писал:

«Дорогой Антон Семёнович! И так, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД. Но ведь это только трагическая случайность в жизненной практике чистокровного советского человека, самоотверженного и до конца преданного своей социалистической отчизне. Да в противном случае я бы не жил в пограничном районе, куда без прописки НКВД не ступишь. Все мы, как говорят, ходим под НКВД». Известно ещё одно письмо Калабалина этого периода (от 20 июня):

«Дорогой Антон Семёнович!

Хотел было не писать Вам, а дождаться от Вас ответа. Так нет, не выдержало сыновье сердце. Почти каждую ночь я вижу Вас во сне. То Вы приехали к нам, то у Вас в Москве, то мы с Вами в Полтавской колонии. Вы не пишете, а мне тревожно за Вас. Как Ваше здоровье? Залечили ребро? Почему не пишете? Может, я Вас чем обидел?..»

На это письмо Макаренко ответил, о чём можно судить по содержанию *письма Калабалина* от 9 августа 1938 года:

«Доехал благополучно и сразу же взялся за устройство Вашего приезда».

Вероятнее всего, Макаренко и Калабалин встречались в Москве и Антон Семёнович пообещал ему ещё раз встретиться.

Но уже 15 августа Антон Семёнович сообщил о неприятной истории, которая произошла с ним:

«Дорогой, милый, родной Семён!.. Я уже собрался на днях уезжать, достал нужное разрешение... но случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из главных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия, — я грохнулся в обморок — прямо на трамвайной остановке... Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз, и возле меня завертелось целых четыре врача. Это произошло 10 августа.

Разговоры со мной ведутся тяжёлые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минуту остался один дома. Признали у меня тяжёлое переутомление мозговых сосудов — всё на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал. Хуже всего то, что пугают Галю: такие обмороки, говорят, не должны повториться, — это звучит откровенительно».

«Соколовка. 19.08.38. Дорогой, родной мой Антон Семёнович! Мои сыновья чувствую Вам. Крайне возмущён поведением

Вашей старости. Вы должны немедленно придать её линчеванию врачей всех мастей и степеней».

«Соколовка. 06.09.38. Дорогой Антон Семёнович. Так долго не писал, потому что всё ждал сына, чтобы сообщить Вам об этом. В ночь с 5 на 6.09.1938 в 23.45 мин по местному времени на свет появился Антон Семёнович Калабалин, с чем Вас и поздравляю»...

«Москва. 06.10.38. Милые, славные Калабалины! Хочется очень знать, как началось воспитание моего долгожданного тёзки, как идёт прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что, в общем, ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шёлковые галстуки будут сваливаться с неба. Рассчитываю также, что и с Гитлером мы к тому времени покончим начисто, привет и поздравление с благополучным открытием жизненного плавания. Всегда страшно жалею, что не удалось погостить у Вас, и мечтаю, что весной или летом это мне обязательно удастся...»

«Соколовка. 20.10.38. Дорогой Антон Семёнович! Я люблю Вас. Я Вас чувствую в доме, в своём мышлении. Я к Вам обращаюсь ежедневно за советами. Буду умирать — в объективе моего последнего луча жизни будет Ваше имя и облик вместе с кровными моими — жена и дети, мать. Я очень люблю дни полтавских сражений со вшами, тифом, зимой и люблю всех участников этих давно минувших горячих дней. Обнимаю. Ваш Семён».

«Москва. 25.10.38 (из письма А.С. Макаренко П.П. Архангельскому). Дорогой Павлуша! Спасибо тебе за письмо... И ещё большое спасибо за подарок. Это замечательно мило у тебя вышло: прислать мне законы Эндшпиля. Послезавтра я уезжаю в Кисловодск — не гулять, лечиться. Все меня уверяют, что оттуда я возвращусь совершенно здоровым человеком...

Семён часто пишет, хвастается своим сыном, и, мне кажется, в нём никаких изме-

нений не произошло. Это больше всего мне не нравится. При всей своей богатой натуре он всё-таки засох на скучном детдомовском подвиге. Очень явно ощущается в нём, что он не получил высшего образования и сам не растёт... Это было бы не так плохо, если бы у него беднее была натура. В общем, из него вышел довольно сентиментальный человек, он чересчур часто умиляется. А всё же он замечательный, благородный и сильный человек...»

«Кисловодск. 2.11.38. Родной Семён!..

Спасибо, дорогой, за память и за любовь, я тебя крепко люблю и горжусь твоей человеческой силой... Напиши, как дела в детском доме. Думаю здесь написать рассказ о Карабанове...»

25 января 1939 года *Семён Афанасьевич* в письме к Макаренко сообщал, что направил в отдел трудовых колоний НКВД СССР товарищу Яцкевичу письмо и далее пере-сказал его приблизительное содержание:

«24.01.39 г. годовщина моего ареста. Пишу о своей безвинности и спрашиваю, есть ли какая-либо возможность восстановиться в правах на работу в НКВД. Трудно Вам представить моё состояние. Мне кажется, что я продолжаю быть подследственным, подозрительным. Я жду повторного ареста, хотя не чувствую за собой никакой вины. Состояние убийственное. Я не нахожу себе минуты душевного равновесия. Роковой вопрос «За что?» сверлит мои мозги. Я буквально недалёк от помешательства. И до тех пор, пока я не объяснюсь и не получу авторитетного ответа, вероятно, мне не успокоиться. Плюс к сему я не нахожу полного применения моим силам в нормальном детском доме. Я прошу Вас, коль это хоть в какой-либо мере допустимо, сообщиться с товарищем Яцкевичем и сказать ему о моей педагогической и советской чистокровности и преданности. Галя почему-то не советует писать. Но я дальше не могу».

Ответ на это письмо пришёл 2 февраля. Антон Семёнович спешил успокоить своего любимца:

«В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии, я на твоём месте не волновался бы и забыл всё, но совершенно понимаю, что в детском доме тебе скучно и неинтересно. Поэтому буду всё-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором рассказываю, какой ты педагог. Прежде всего, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты — сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твоё письмо.... Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружится. Почти уверен, что он что-нибудь сделает, разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление... Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое...»

Семёна Афанасьевича это письмо порадовало, он счастлив, взволнован награждением А.С. Макаренко орденом Трудового Красного Знамени. В письме от 9 февраля 1939 г. Калабалин признался:

«От Ваших писем мне легче и бодрее переживается». А в письме от 27 февраля сообщал: «Яцкевич молчит, а мне не сидится. Как-то всё сразу: и страшно, и грустно... Облоно влюблено в меня, но мне от этого не легче. Когда лают собаки и проходят мимо окон люди, я переживаю страх. Отчего это? Ведь я видел страхи и научился переживать их. Что ж это такое? Я очень честно трудился и тружусь».

Последнее письмо А.С. Макаренко было написано 28 марта 1939 г. *Он писал:*

«Я в последнее время по обыкновению заматался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь внимание на мое свинство и пишешь. В общем, твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не отве-

тил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, у него, вероятно, какие-нибудь другие есть «соображения». То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что всё равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны? Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно, и лучше оканчивается там, где работается...»

«Соколовка. 1 апреля. Дорогой Антон Семёнович! Мне только иногда хочется быть в выгодном положении перед другими — я Ваш сын. Ревную иногда Вас и всё.

В моём подшефном Немировском детском доме дела идут хорошо. Работу свою я понемногу записываю. Веду наблюдения за личностями детей, коллективом, за удачными воспитателями, слежу за системой организации детских коллективов, перспективами, традициями. Веду переписку с бывшими воспитанниками и т.д. Готовлю статьи в прессу. В следующем письме вышлю Вам «комплимент» по Вашему адресу одного мудреца от педагогического журнала «Коммунистична освіта».

Следующего письма не было. 1 апреля 1939 года А.С. Макаренко не стало. 4 апреля 1939 года Антона Семёновича Макаренко хоронили.

Семён Калабалин примчался проводить в последний путь своего учителя, отца, друга. Поезд опаздывал. Калабалин догнал траурную процессию уже на кладбище.

В мае 1939 года, в связи с необходимостью постоянной деятельности в комиссии по изучению педагогического наследия А.С. Макаренко, С.А. Калабалин переехал под Москву и принял детский дом № 3 Мосгорона на станции Барыбино. С момента переезда под Москву начинается новый этап жизни С.А. Калабалина — период самостоятельных поисков. Здесь развивалось и совершенствовалось его педагогическое мастерство. ■

